

164
P32944

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ

Клятва

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1944

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ

К Л Я Т В А

1941 — 1943

Действующая армия
Ленинградский фронт

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1944

320-14

64 + русск

СОДЕРЖАНИЕ

Мальчикам, думающим про войну	3
Клятва	4
Баллада о черством куске	5
Ночь перед боем	8
Ленинградцы	10
Мать	12
Устами народа	13
Баллада о старом слесаре	14
Танкист	16
Дезертир	17
Октябрь в окопах	20
Портрет	21
Сталин	23
Гвардия	24
Кружка	25
Песенка	27
Меня на фронт не провожали...	28
Сон	29
Партизану	30
Царскосельская статуя	31
Немецкий снаряд	32
Десять лет спустя	34
Партизанский край	35
Из поэмы «Возмездие»	43

Ответ. редактор *Б. Евгенийев*

Подписано к печати 21/IV 1944 г.

1,5 печ. л. (1,6 уч.-изд. л.) 40 000 зн. в печ. л. Л52305. Тираж 25000.

Заказ 159. Цена 1 руб. 50 коп.

Ф-ка юнош. книги изд-ва ЦК ВЛКСМ

«Молодая гвардия». Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 46.

МАЛЬЧИКАМ, ДУМАЮЩИМ ПРО ВОЙНУ

Памяти Алексея Лебедева

Черное небо в багровом огне...
Пот на глаза накатила пелену...
Что я могу рассказать о войне
Мальчикам, думающим про войну?..

Мальчикам, думающим, что война —
Это знамен полыхающий шелк,
Мальчикам, думающим, что она —
Это горнист, поднимающий полк.
Я говорю, что война — это путь,
Путь без привала — и ночью,
и днем.

Я говорю, что война — это грудь,
Сжатая жестким ружейным ремнем.
Я говорю им о том, что война —
Это шинели расплавленный жгут.
Я говорю им о том, что она —
Это лучи, что безжалостно жгут,
Это мосты у бойцов на плечах,
Это завалы из каменных груд,

Это дозоры в бессонных ночах,
Это лопаты, грызущие грунт,
Это глаза воспаливший песок,
Черствой буханки последний кусок,
Тинистый пруд, из которого пьют, —
Я говорю, что война — это труд!
Если ж претензии будут ко мне,
Цель я преследую только одну:
Надо внушить уважение к войне
Мальчикам, думающим про войну.
1941 год, август

КЛЯТВА

Здесь я жил и трудился,
Здесь родился и рос.
Я с тобою сроднился,
Город, милый до слез!
Ты помог мне — я встретил
Ту, что стала женой,
И, торжественно светел,
Ты мерцал предо мной.

Все прошел города я,
Но к тебе, Ленинград,
Где бы ни был, всегда я
Возвращался назад.
Навсегда, не на час твой,
С прежним жаром в крови,
Говорил тебе: «Здравствуй,
Город первой любви!»

Нынче ты опоясан
Цепью взводов и рот.
Каждый сын твой обязан
Гнать врага от ворот!
И в одном из отрядов —
Твоей боец рядовой:
Я, под градом снарядов,
В цель залег за Невой.

Я клянусь — не ворвется
Враг в траншею мою!
А погибнуть придется —
Так погибну в бою.
Чтоб глядели с любовью
Через тысячу лет
На окрашенный кровью
Комсомольский билет.
1941 год, сентябрь

БАЛЛАДА О ЧЕРСТВЕ КУСКЕ

(Зима 1941/42 года)

По безлюдным проспектам оглушительно звонко
Громыкала на дьявольской смеси трехтонка.
Леденистый брезент прикрывал ее кузов —
Драгоценные тонны замечательных грузов.

Молчаливый водитель, примерзший к баранке,
Вез на фронт концентраты, хлеба вез он
буханки,
Вез он сало и масло, вез консервы и водку,
И махорку он вез, проклиная погоду...

Рядом с ним лейтенант прятал нос в рукавицу
Был он худ. Был похож на голодную птицу.
И казалось ему, что водителя нету,
Что забрел грузовик на другую планету.

Вдруг навстречу лучам — синим трепетным
фарам —
Дом из мрака шагнул, покорежен пожаром,
А сквозь эти лучи снег летел, как сквозь сито,
Снег летел, как мука — плавно, медленно,
сыто...

«Стоп! — сказал лейтенант. — Погодите,
водитель!
Я, — сказал лейтенант, — здешний все-таки
житель».

И шофер осадил перед домом машину,
И пронзительный ветер ворвался в кабину.

И взбежал лейтенант по знакомым ступеням,
И вошел... И сынишка прижался к коленям...
Воробьиные ребрышки... бледные губки:
Старичок семилетний в потрепанной шубке!..

«Как живешь, мальчуган? Отвечай без обмана...»
И достал лейтенант свой паек из кармана.
Хлеба черствый кусок дал он сыну:

«Пожуй-ка!..»
И шагнул он туда, где дымилась буржуйка.

Там — поверх одеяла — распухшие руки.
Там жену он увидел после долгой разлуки.
Там, боясь разрыдаться, взял за бедные плечи
И в глаза заглянул, что мерцали, как свечи...

Но не знал лейтенант семилетнего сына:
Был мальчишка в отца — настоящий мужчина!
И когда замигал догоревший огарок,
Маме в руку вложил он отцовский подарок...

А когда лейтенант вновь садился в трехтонку,
«Приезжай!» закричал ему мальчик вдогонку.
И опять сквозь лучи снег летел, как сквозь
сито,
Снег летел, как мука — плавно, медленно,
сыто...

Грузовик отмахал уже многие версты,
Освещали ракеты неба черного купол...
Тот же самый кусок, ненадкусенный, черствый,
Лейтенант в том же самом кармане нащупал!..

Потому, что жена не могла быть иною,
И кусок этот снова ему подложила.
Потому, что была настоящей женою,
Потому, что ждала. Потому, что любила...

Грузовик по мостам проносился горбатым,
И внимал лейтенант орудийным раскатам
И ворчал, что глаза снегом застит слепящим,
Потому что солдатом он был настоящим...

Молчаливый водитель, примерзший к баранке,
Вез на фронт концентраты, хлеба вез он
буханки,
Вез он сало и масло, вез консервы и водку,
И махорку он вез, проклиная погоду.

1943 год, январь

НОЧЬ ПЕРЕД БОЕМ

ППД с глянцовитым диском
Отдыхает в соседстве близком...
Спит комбат на дощатых нарах,
В сапогах — заскорузлых, старых.
— Всем проверить противогазы...
— Взять гранаты...
— Послать трехтонку...
Он во сне отдает приказы
Снам тревожным своим вдогонку...
Сыроват ветерок в апреле,
Залезает, бродяга, в щели.
Приподнялся связной комбата,
Снял шинель и укрыл, как брата.
Сыроват ветерок в апреле.
Даль пылает в заре, в пожарах.
Пулеметчик выводит трели,
Умолкает комбат на нарах.
Трехдюймовый снаряд неменкий
Ночь прорезал протяжным боем.
Дышит ровно комбат, по-детски:
На часок прилет перед боем...
...Он идет по Летнему саду.
Чуть прохладно. Солнечно. Сухо.
Так и мчатся к Неве, за ограду,
Липы в шапках весеннего пуха!
Нет, не Летним — весенним садом
Он идет, и она с ним рядом.
Он на землю спустил сынишку,
Тот бежит впереди вприпрыжку.
Без конца бы так шел и шел бы:

Чтоб навстречу — народа толпы,
Чтоб слова, прозвенев, тонули
В первомайском праздничном гуле;
Чтобы ветер, свеж и чудесен,
Доносил кавалерии цокот,
Женский смех и обрывки песен,
Медногорлых оркестров рокот;
Чтобы ладожский ветер чистый
Холодил под рубашкой спину;
Чтоб летел он навстречу сыну,
Шевеля хохолок пушистый;
Чтобы ночью, пронзая воздух,
Заблудились ракеты в звездах
И сияли в глазах любимой
Ночью майской, неповторимой...
— Всем проверить противогазы...
— Взять гранаты...
— В тылы — трехтонку...
Вновь комбат отдает приказы
Снам тревожным своим вдогонку.
...Это мрамор Летнего сада
Обернулся рядами надолб.
Это в ночь золотые нитки
Размотали по небу зенитки.
Это бомба летит на город.
Это дом пополам расклял.
Это в темной крови перина.
Это мать у постели сына.
Как пони хохолок пушистый
На головке его ершистой!..
...Сыроват ветерок в апреле.
Даль пылает в заре, в пожарах.

Пулеметчик выводит трели.
Спит комбат на дощатых нарах.
Спит комбат, кулаки сжимая.
ППД отдыхает рядом.
Спит комбат, чтобы Первое мая
Необычным встретить парадом.
Он ворвется к врагу в траншею.
Не отстанут его ребята!
Брюхо немца,
Затылок,
Шею
Прострочит автомат комбата!
А огни над мостом горбатым, —
Это было
И снова будет!..

Наклонился связной над комбатом.
Жаль будить командира..
Будит.

1942 год, апрель

ЛЕНИНГРАДЦЫ

Вкруг тебя, Ленинград,
Мы стоим, как живая ограда.
Гром твоих батарей
Предвещает решающий бой..
Враг покатится вспять!
Он отхлынет от стен Ленинграда!
И торжественный памятник
Встанет над нашей Невой...

Кто займет пьедестал?
За врагом ли стремящийся летчик?
Или просто стрелок,
Выходящий с гранатой на танк?
Может, строгий связист?
Может, бьющий в упор пулеметчик?..
Может, скромный сапер,
Что со смертью играет ва-банк?..

Может, смелый расчет,
Стеганувший прямою наводкой?
Или снайпер в халате,
С винтовкою вросший в окоп?..
Или хитрый разведчик
С ножом и неслышной походкой?
Или дед-партизан
Средь болот и неведомых троп?..

Может, будет на нем
Сандружинница,
Маленький чижик,
Ленинградская дочка,
Любимая нами до слез?
Или славный танкист
В рукавицах прожженных и рыжих?
Или, сбросив бушлат,
Беспощадный балтийский матрос?

Будут все, как один!
Будет вечно горящая лава —
Гордый русский народ —
Под смертельным свинцовым дождем,
Вольный русский народ,

Рассчитавшийся слева направо
И рванувшийся в бой
За своим непреклонным вождем!

Будет снова сиять
Край свободных, счастливых и равных.
И предвижу я день —
Он в такой непривычной тиши, —
В этот день подойдет
И посмотрит на памятник правнук
И замрет перед ним,
Потрясенный до самой души.

МАТЬ

Мы шли по снежному поселку
Прямой дорогой на закат,
Где, словно дятел, звонко щелкал
В сосновой роще автомат...
А мать, что своего взрастила
И проводила на войну,
Украдкой нас перекрестила,
Припав к морозному окну...

Мы унесли с собою в битву
Все тот же материнский взгляд,
Все ту же пылкую молитву,
Как сотни лет тому назад,
В доспехи бранные закован,

Унес их парень молодой
Туда, где занялся седой
Рассвет над полем Куликовым...

Пусть люди мы иного сорта,
Иной летит над нами век,
И пусть ни в бога и ни в чорта
Не верит больше человек, —
Мне не забыть, как шли обозы,
Как нас крестила чья-то мать,
Как улыбалась нам сквозь слезы,
Чтоб только вида не подать.

1942 год, март

УСТАМИ НАРОДА

— За что мы воюем? — спросили бойца.
И воин, подумав, ответил:
— За наших детей! Чтоб и впредь—до конца—
Был путь их просторен и светел,
За то, чтоб для немца свиней не пасли,
За то, чтоб учились и вольно росли.
За наших детей! — он ответил.

— За русскую землю! — добавил другой. —
За ту, что для немца не вспашем!
Воюем за то, чтоб не встал он ногой
На горло колхозникам нашим.
За наших рабочих, за честный их труд.

И то, что не зря нас поставили тут,
Мы это на поле докажем!

— За дружбу! — вмешался горячий казах.
За дружбу, товарищ, воюем!.. —
И ярость блеснула в орлиных глазах:
— Смерть немцам, гибель несущим им!..
Я подлого немца пришел проучить
За то, что он братьев решил разлучить.
За дружбу народов воюем!

— Мы рядом идем по дорогам войны, —
Сказала дружинница тихо, —
Чтоб девушки нашей Советской страны
Не ведали горького лиха,
Чтоб равными быть нам, свободными быть,
Чтоб грязному гансу постель не стелить... —
Сказала дружинница тихо.

Был снегом глубокий окоп занесен,
И выла над ним непогода,
И был в нем великий и мудрый закон
Рассказан устами народа.

1942 год, декабрь

БАЛЛАДА О СТАРОМ СЛЕСАРЕ

(Зима 1941/42 года)

Когда, роняя инструмент,
Он тихо на пол опустился,
Все оглянулись на момент,
И ни один не удивился.

Изголодавшихся людей
Смерть удивить могла едва ли...
Здесь так безмолвно умирали,
Что все давно привыкли к ней.

И вот он, умер, старичок,
И молча врач над ним нагнулся.
«Не реагирует зрачок, —
Сказал он вслух, — и нету пульса».

Сухое тельце отнесли
Друзья в холодную конторку,
Где окна снегом заросли
И смотрят на реку Ижорку.

Когда же, грянув, как гроза,
Снаряд сугробы к небу вскинул,
Старик сперва открыл глаза,
Потом ногой тихонько двинул,

Потом, вздыхая и бранясь,
Привстал на острые коленки,
Поднялся, охнул и, держась
То за перила, то за стенки,

Под своды цеха своего
Вошел — и над станком склонился.
И все взглянули на него,
И ни один не удивился.

1943 год, февраль

ТАНКИСТ

Не вчера ли, друзья, не вчера ли
Мы его у костра подобрали,
Документов при нем не нашли..
Два плаща положив на винтовки,
Мы вдоль рва пробирались по бровке,
На палатках танкиста несли.

Не вчера ли по кочкам шагали,
Не вчера ли друг друга сменяли,
Под носилки подставив плечо?
Не вчера ли, под звон комариный,
Шли болотом, питались кониной,
Хлопотали над ним горячо?

Ни воды не прося, ни вниманья,
Трое суток он был без сознания.
Хоть бы слово сказал... хоть бы раз...
Гимнастерка разбухла от крови.
Опаленные губы и брови.
Два багровых бугра вместо глаз...

Вот уж год, как о нем вспоминаем.
Кто он был — никогда не узнаем.
Как простились мы с ним — вот уж год...
И могилу отыщем едва ли:
Мы под кочкой его закопали
На одном из Батецких болот.

Ты, на штык принимая фашиста,
Садани от души за танкиста:
На костре его немцы сожгли,

Ты не спрашивай, как его звали:
Мы его у костра подобрали.
Документов при нем не нашли.
1942 год, июнь

ДЕЗЕРТИР

Он с нами жил,
И спал,
И ел,
И службу нес,
И песни пел...
Такой же, как и все.

В землянке
Занял уголок,
Песком
Начистил котелок...
Такой же, как и все.

Был полк
Построен на горе.
Стоял июль.
И на заре
Трава была в росе...

Ни от кого
Не пряча глаз,
Присягу принял
В этот час
Он так же, как и все.

Когда же, сдернув автомат,
— За мной! — скомандовал комбат,

32.09.44
32.09.44
ЧИТАЙТЕ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

И мы рванулись, как один,
К заветной полосе,
Прикрывши голову сучком,
За толстый пенё
Он лег ничком,
А после —
В лес ушел бочком
По утренней росе...

Но сразу
Высохла роса,
И смолкли
Птичьи голоса,
И в лес нахлынул зной.

Он флягу взял,
Поднес к губам,
Закинул голову.
Но там —
Ни капли.
Ни одной!..

Он шел все дальше от врагов,
Швырнул винтовку в куст.
И даже собственных шагов
Его тревожил хруст!

Зарылся в мох —
Стал жарок мох.
Пришел к ручью —
Тот пересох.

И, обезумев от жары,
Ослеп он и оглох!

Пока скрывался он в лесу,
Неся винтовки на весу,
Мы грянули «ура».
Он был в лесу,
Мы полем шли,
Но нас лучи
Совсем не жгли,
Хотя была жара!..

Смертельно ранен
Был комбат.
Он подозревал
Своих ребят.
Спросил нас:
— Живы все?..

Чтоб светел был
Конец его,
Мы промолчали
Про того,
Кто в этот день
Кружил в лесу,
Как белка в колесе!

А тот —
Веду я речь о ком —
Вновь
Приблудился к нам тайком.
И, встретив беглеца,
Ему,
Как приказал нарком,
Мы выдали

Сухим пайком
Три порции свинца.
1941 год, август

ОКТЯБРЬ В ОКОПАХ

Не в нарядном дворце
И не дома за дружеским чаем,
Где светло и тепло,
А за окнами воет пурга, —
Мы сегодня в окопах
Великую дату встречаем —
В полусотне шагов
От угрюмой траншеи врага.

Не беда, коли мы
Не поднимем заздравицу чашу,
А подумаем молча
Про наших детишек и жен,
Про товарищей павших,
Про светлую родину нашу,
Про оставленный дом,
Что, быть может, врагами сожжен...

Нет, беднее не стал
Праздник воли и силы народной
Оттого, что с Невы,
Содрогаясь от киля до рей,
Крейсер «Киров» послал
Не салют холостой,
А холодный,
Смертоносный огонь
Полновесных своих батарей!

И не стал он бедней
Оттого, что, прицелившись метко,
Снайпер немца сразил,
И уж больше не выглянет вор.
И не стал он бедней
Оттого, что уходит разведка,
И тебе через час
Отправляться в бессонный дозор.
Что ж, война даже в праздник
Внесла боевую поправку!
И прожектор свой луч
В поднебесье направил не зря,
А поймав среди туч,
Насадил, как жука на булавку,
Истребитель врага
В эту грозную ночь Октября!
Через горы невзгод
Мы с победой вернемся, ребята,
И, вернувшись, припомним
В кругу настоящих мужчин,
Как в морозную ночь,
Под прерывистый стук автомата,
Мы встречали в окопах
Одну из его годовщин.
1941 год, ноябрь

ПОРТРЕТ

В землянке минометчиков
Над маленьким столом
Висит в вишневой рамочке
На стенке под стеклом

Глазастая, вихрастая,
Пяти — не больше — лет,
Курносенькая девочка —
Любительский портрет...

В землянке минометчиков
Увидел я бойца.
Сказал ему, что девочка
Похожа на отца.
Кивнул он утвердительно,
Усмешку затая...
— Совсем не удивительно...
Но дочка — не моя...

Я всматриваюсь пристально,
Чтоб не попасть впросак...
Вихрастая, глазастая...
Какой же я чужак!
Ну, ясно — комиссарская!..
Ну, вылитый портрет!..

Но комиссар с улыбкою
Мне отвечает: — Нет!
Вовек не догадаетесь,
Кто был ее отцом...
Валялась эта карточка
Под взорванным крыльцом...
Взглянули мы, расстроились.
Взгрустнули, не шутя:
Увидели на карточке
Советское дитя!..

С тех пор у минометчиков
Над маленьким столом
Висит в вишневой рамочке
На стенке под стеклом .
Глазастая, вихрастая,
Пяти — не больше — лет,
Курносенькая девочка —
Любительский портрет...

Куда бы мы ни двинулись,
Какой бы ни был бой, —
Повсюду эту карточку
Мы возим за собой.
Пусть наши мины грозные
Летят к врагу, свистя,
И мстят за безыменное
Советское дитя!

1942 год, июль

СТАЛИН

Когда стрелок, не уставая биться,
Последний загоняет в ствол патрон,
Лишь к одному он в этот миг стремится:
Так поступить, как поступил бы он...

Тогда летят гремучие гранаты.
Тогда боец шагает напрямик.
Тогда бегут немецкие солдаты.
Тогда их плазень валит русский штык!

Когда стервятники уже победу прочат,
На сокола насев со всех сторон.

Лишь одного бесстрашный сокол хочет:
Так поступить, как поступил бы он...

И в ярости великой леденя,
Прищуриив глаз, не чуя жарких ран,
Облюбовав добычу покрупнее,
Под градом пуль идет он на таран!

Он в каждом сердце, в каждой грозной буре
И Сталина в бою увидел тот,
Кто подбежал к немецкой амбразуре
И грудью лег на черный пулемет.

Ведь от бойцов, от сотен тысяч сразу
(Такая связь не рвется никогда!),
К его душе, невидимые глазу,
Идут с фронтов прямые провода.
1942 год, мии

ГВАРДИЯ

Гвардия!.. Немеркнувшее слово!
Сквозь века пройдя, оно хранит
Благородно, просто и сурово
Нашей русской стойкости гранит.

Гвардия!.. С отвагой богатырской
Через Альпы двигалась она
И стояла в битве Бородинской,
Заслонив редут Шевардина.

Гвардия!.. За этим словом скрыто
Мужество, зовущее вперед.

И гвардейской конницы копыта
У берлинских цокали ворот.

Гвардия!.. Твой путь преград не знает,
Легендарной славой озарен,
Весь народ в душе благословляет
Величавый шум твоих знамен.

Гвардия!.. В порыве наступленья
По-гвардейски были мы тверды.
Принимай, стальная, пополнение,
Разомкни на миг свои ряды!

Чтобы завтра в бой рвануться снова,
Чтобы в новый двинулась поход
Гвардия — могучая основа
Армии, стремящейся вперед!
1943 год, март

КРУЖКА

Все в ней, старой, побывало,
Все лилось, друзья, сюда —
И анисовая водка,
И болотная вода!

Молоко, что поделили
Мы с комроты пополам,
Дикий мед, когда бродили
Мы у немцев по тылам,

И горячая, густая
Кровь убитого коня,

Что под станцией Батецкой
Пьяным сделала меня!..

Вот уж год она со мною:
То внизу, у ремешка,
То у самого затылка —
У заплечного мешка.

А вчера в нее стучала,
Словно крупный красный град,
Замороженная клюква —
Вологодский виноград!..

Может быть, мои вещички
Ты получишь в эти дни, —
Все выбрасывай!.. Но кружку
Ты для сына сохрани...

Ну, а если жив я буду,
И минувшие дела
Помянуть мы соберемся
Вкруг богатого стола, —

Средь сияющих бокалов,
Неприглядна и бедна,
Пусть на скатерти камчатой
Поприсутствует она,
Пусть в соседстве молодежи,
Как ефрейтор-инвалид,
Постоит себе в сторонке —
На веселье поглядит!..
1943 год, февраль

ПЕСЕНКА

За час до наступления —
В последние мгновения —
Сидели пулеметчики
Под горкой под крутой
И хором пели песенку
Про шелковую лесенку,
Про девицу-красавицу,
Про терем золотой.

Знать, каждый пел про милую —
Мол, сам себя не милую,
И в бой пойду,
И смерть приму
За ясные глаза...
И сердце жгла невидная,
А стало быть, не стыдная,
От песни закипевшая
Солдатская слеза.

Один припомнил Вологду
И ту, что любит смолоду.
Другой припомнил Винницу
И ту, чей звонок смех.
И где-то здесь — незримая —
Была моя любимая.
Не то, чтоб всех прекраснее,
А просто лучше всех...

Под этой самой горкою,
Поднявшись вместе с зорькою,

Мы выкатили к ельнику
Тяжелый пулемет.
И тот, что вспомнил Вологду,
Не встанет с поля — с холоду.
И тот, что вспомнил Винницу,
Обратно не придет!..

Та ночь в снежной замяти
Навек осталась в памяти.
Сидели пулеметчики
Под горкой под крутой
И хором пели песенку
Про шелковую лесенку,
Про девицу-красавицу,
Про терем золотой.
1943 год, февраль

* * *

Меня на фронт не провожали,
Не говорили слов прощальных,
И, как другие, на вокзале
Не целовал я губ печальных.
И чье-то сердце бьется мерно —
Оно не назначало срока...
И потому-то я, наверно,
Тоскую редко... и жестоко.
1943 год, февраль

С О Н

Я долго шел по солнечной дороге.
Был нескончаем знойный этот день.
Я так устал,
И так болели ноги,
Я пить хотел,
И так хотелось в тень,
Но я шагал по солнечной дороге...

Был, как свинец, июльский зной тяжел.
Я не помедлил на твоём пороге,
Одернул гимнастерку и вошел.
А ты стояла тут же, у плиты,
В переднике застиранном и чистом.
И пар из чайника летел с веселым свистом,
Но головы не повернула ты...

Я обезумел только на мгновение,
Я губ твоих коснулся дорогих, —
Не ощутила ты прикосновенья,
Не вздрогнула и не раскрыла их.
И снова я спокоен. Ты права...

Вот комната, где мы с тобой простились,
Но это было после. А сперва
Мы здесь вдвоем — ты помнишь? — поселились,
И в третьего без памяти влюбились,
А он коверкал вещи и слова,
Мои бумаги вечно в беспорядке,
И чортик нарисован на тетрадке...

Прости меня! Прodelан трудный путь,
И в первый раз — не ты моя награда.
На сына бы одним глазком взглянуть...
На самого себя взглянуть мне надо...
Как я расту, с мальчишками дерусь,
К обеду с опозданием являюсь,
Как в длинноногих девочек влюбляюсь,
Как падаю, как плачу, как смеюсь
И как потом по солнечной дороге
Иду со взводом сквозь пожар и кровь,
Ни у кого не требуя подмоги, —
Сам заплатив за сына и любовь.
1941 год, август

ПАРТИЗАНУ

Твой хлеб созревал, освященный трудом,
Пожал его тот, кто не сеял.
Он сжег, чужеземец, родительский дом
И пепел по свету развеял...

Кривило усмешкою губы врага,
Мерцал его шлем круторогий.
И врезался след от его сапога
В российские наши дороги.

Но, гордый, ярма ты и дня не носил.
Не кланялся немцам в угоду, —
Ты в дебрях дремучих скитался. Ты пил
Болотную желтую воду.

Обозы врага полыхают в огне.
Не дрогнет рука твоя, мститель!
Я встретил тебя. Позавидует мне,
Должно быть, любой сочинитель...

Но нет, не богатством сюжетов и тем.
Несущих дешевую славу,
И даже не нашим знакомством, а тем
Гордиться могу я по праву,

Что вместе с тобою в бою побывал,
Что рядом шагал — не по следу,
Что вместе с тобою в бою добывал
Тяжелую нашу победу.

1941 год, сентябрь

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

«Урну с водой уронив, об утес ее дева
разбила...»

Косоприцельным огнем бил из дворца пулемет.
Мы, отступая последними, в Пушкинском парке
Деву под звяканье пуль в землю успели зарыть.

Время настанет — придем. И под липой столетней
Десять саперных лопат в рыхлую землю вонзим...
«Чудо! Не сякнет вода, изливаясь из урны
разбитой!»

Льется, смывая следы крови, костров и копыт.
1943 год, январь

НЕМЕЦКИЙ СНАРЯД

Над Летним садом Ленинграда
Сиял просторный летний день,
И филигранная ограда
Гляделась в собственную тень.

И мальчик, весь ушедший в дело,
Там башню строил из песка,
И вдруг провыло, прогремело,
И кровь струится из века...

Друзья мои! Немало крови
Мы повидали на войне,
И смерть солдатская не внове
Ни вам, товарищи, ни мне.
Мы, видя кровь, лишь хмурим брови.
На то — военная страда...

Но к беззащитной, к детской крови
Нам не привыкнуть никогда!

Она по капелькам стекает.
Песок набился в детский рот.

А мать... Она еще не знает,
Она еще волос не рвет...
А, есть, что, правды не скрывая.
Примчится на передний край...
Не надо, почта полевая,
Уж лучше в поле потеряй!..

Мне ясно виден путь снаряда.
Я знаю, как он к нам попал.

Сначала немцу было надо
Добыть руду и лить металл.

Потом, под шелестенье шкива,
Его точили на станке,
И мастер, выпив кружку пива,
Стоял с кронциркулем в руке.

Потом в снаряд брусок тротила
Рука немецкая вкатила.

Потом — из дальней той земли —
Его грузили и везли.

Потом, когда пришли солдаты,
Он лег на жесткую ладонь.

Потом, назвав координаты,
Пруссак скомандовал: «Огонь!»

Так это было, так случилось,
Таким путем он к нам попал
Так вся Германия трудилась,
Чтоб сын твой больше не дышал.
Так бьет она из подлых пушек
В сиянье желтеньких веснушек,
В ребячий слабенький висок.
И кровь струится на песок...

Покуда не свели мы счеты
С ней, притаившейся во мгле,
Иных забот, иной работы
Мы не отыщем на земле!
1943 год

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Будет город вдали выплывать из воды, как
мираж.
Будет полдень сиять. Будет душно. И, кликнув
собаку,
Ты войдешь, не сгибаясь, в заросший бурьяном
блиндаж,
И глаза твои долго не смогут привыкнуть
ко мраку.

Из понятного царства, где море, и зелень.
и зной,
Где петляют стрижи и румянит листок
земляника,
Ты не видишь меня, но шагаешь, мой мальчик,
за мной,
В непонятное царство, где все так безмолвно и
дико.

Ты глядел в поднебесье, а тут потолок невысок.
Ты к траве прижимался, а тут полусгнившие
нары.

Словно юркая мышь, под обшивкой шуршащий
песок.
Зелень стреляных гильз и рассохшийся остов
гитары.

Не хочу, чтоб умом, а хочу, чтобы детской
душой
Эти разные царства ты слил бы на миг воедино
И привел на поклон мир надземный, звенящий,
большой,
В этот мир под землей, где отец поработал для
сына.

1943 год

ПАРТИЗАНСКИЙ КРАЙ

Ночь. Поселок. Мороз.
Под карнизами — иней.
Снег на сучьях берез
Ноздреватый и синий.

Отдаленный свисток,
Прозвучавший три раза...
Ночь.
Забор.
И листок
С грозным текстом приказа.

Змейкой вьется тесьма
Твердых знаков и ятей:

Список срочных весьма
Реквизиций-изъятий.

«Все чтоб было доставлено,
Собрано,
Цело
В 19. 00
Под угрозой расстрела...»

Почему в эту ночь
Все так злит коменданта?
Звон карманных часов,
Мирный храп адъютанта,
Домоседа-сверчка
Голосок из-под печки,
Золотой огонек
Опływавоющей свечки...
Он заснуть бы не прочь,
Но шагает. Не спится...
Тень летит по стене,
Словно черная птица.
Ну, и долгая ночь!..
Может, взять и напиться?

Немец вынул дневник
И за столик садится.

«Я объездил весь мир,
Видел разные страны...
Здесь я даже в сортир
Не хожу без охраны!
Не посмотришь назад —

Пулю влепят в затылок...
В лес направил солдат —
Запросили носилок...
Край тут глух и велик.
А какие в нем нравы!
Не боится мужик
Ни суда, ни расправы.
Девку мне привели —
Расцарапала ухо,
А потом —
Кто б подумал? —
Повесилась, шлюха!...»

Фляжку взял комендант.
Фляжки, видимо, мало...
Он вторую достал, —
Веселее не стало...

* * *

Путник въехал в село.
Скрип все ближе и ближе...
Что его привело?
Кто он, вставший на лыжи?
Что в котомке несет?
По какому велению
Он на лыжах идет
От селенья к селенью?..
Молод путник.
Недавно он вышел в мужчины,
Но лежат возле губ
Две упрямых морщины.

Молод путник,
Хотя и оброс бородою,
Рыжеватой, курчавой,
От мороза седою...

Часовые не спят:
Спать в дозоре нельзя им...

Путник входит в избу.
— Здравствуй, добрый хозяин!
Затеpli огонек,
Позови-ка соседа...

Ночь.
Поселок.
Мороз.
В темной хате — беседа...

— Хлеб, картошку и скот —
Все, согласно приказа,
Подчистую гребет,
Будь он проклят, зараза!

— Три деревни пожег...

— Костью встал в нашем горле!..

— Кто успел, тот убер,
Остальные померли...

— Ты, отец, не спеши,
Расскажи по порядку.

— Расскажу. Запиши
В голубую тетрадку...

— Разрешите вопрос:
Под Ростовом победа?..

Ночь.

Поселок.

Мороз.

В темной хате — беседа...

Из котомки,

Со дна,

Где в строжайшем порядке

Ровной стопкой лежат

Голубые тетрадки,

Путник вынул одну,

Что в косую линейку,

Очинил карандаш,

Положил на скамейку...

«Здравствуй, здравствуй, отец, —

Наша гордость и сила!

Знай, что наших сердец

Немчура не купила!

Миллионы людей

Ждут, отец, избавленья

От немецких цепей,

От позора, глумленья.

Знай про наши дела,

Знай, что верим в победу...»

И тетрадка пошла
От соседа к соседу.

Велика ей цена —
Скромной школьной тетради,
Где стоят имена,
Как войска на параде!

• • •

Снегу — страх намело
За ночь вьюгой-позёмкой.
Покидает село
Путник с дивной котомкой.

Вот на лыжах идет он
Размашистым шагом
По замерзшим болотам,
По глубоким оврагам,
От приметы к примете,
От сугроба к сугробу,
В лунном дымчатом свете,
В лес, в глухую трущобу,
Мчится легкий, как тень,
Мчится быстрый, как чудо...

— Стой! — кричит ему пень. —
Ты куда и откуда?
Улизнуть от меня
Не пытайся, не просто...

И встает из-за пня
Парень грозного роста.

— Отвечать, парень, рано,
А допрашивать поздно...
Ну, води к партизанам,
Не гляди так серьезно...

Ночь.

Лесная трущоба.

Вся в сугробах полянка.

Посредине полянки

Чуть дымится землянка.

В той землянке просторной

Сталин в рамке узорной,

Стол сосновый и лавка:

Партизанская ставка.

Тут особый народ —

Не шумит, не толпится...

Путник смело идет,

Входит, просит чапиться.

Скинул куртку-кожанку,

Скинул шапку-ушанку.

Он обоз в Ленинград

Поведег спозаранку.

Двести полных подвод

Повезут наши кони.

Пуля нас не найдет.

Мы уйдем от погони!

Вся деревня носила.

Вся деревня грузила

Ленинграду — подарок
Из немецкого тыла.

Славит наша страна
Ленинградскую доблесть!
Ленинграду верна
Ленинградская область!

* * *

Предрассветный мороз
Жалит руки и ноги.
Едет красный обоз
По окольной дороге.
На одной из подвод
На каурой лошадке
Путник в город везет
Голубые тетрадки.
Велика ей цена —
Каждой школьной тетради.
В ней стоят имена,
Как войска на параде!

Снег дорогу занес,
Пляшет по ветру лихо...

Едет красный обоз
Незаметно и тихо...

А бывало, ребята,
Шел обоз наш когда-то
С песней «Будьте здоровы.
Живите богато...»

Под гармошку-трехрядку
Кони шли по порядку,
С громким ржаньем. без страху,
По широкому шляху...

Тихо, тихо, ребята!..
Чуток утренний сон-то..
Едет красный обоз
Через линию фронта.
Не беда, коли грива
У коняги без банта!..

* * *

Почему в эту ночь
Все так злит коменданта?
1942 год, апрель

ИЗ ПОЭМЫ «ВОЗМЕЗДИЕ»

1

...Враг стоит у ворот.
Голод. Сумрак. Блокада.
...Враг стоит у ворот
Моего Ленинграда.
Громче, сердце, стучи,
Не печалься, не сетуй..
Громче бейся в ночи,
Озаренной ракетой!

На окраинах — надолбы,
Рельсы,

Завалы.
Заколочены окна.
В темных крышах провалы.
Днем трохочет снаряд,
Ночью бомба жесется...
Он стоит — Ленинград,
Он стоит — не сдается!

Ты последнюю корку
Приносишь дочурке.
Ты последнюю щепку
Сжигаешь в печурке.
За окном — снегопад,
Вьюга в комнату рвется...
Он стоит — Ленинград,
Он стоит — не сдается!

Так стучи же, стучи,
Сердце, в ярости львиной!
Громче бейся в ночи
Над морозной равниной!..

2

Нам рядов не сломали
Ни потери, ни горе...
К нам сквозь дальние дали,
Сквозь февральские зори,
Сквозь удачи и беды
Приближается ясный
День Великой Победы
Нашей Армии Красной...

Немцу — плеткой играть?..
Нам — под плеткой склониться?..
Не бывать!
Не бывать!
Русский — вольная птица!
Ни снаряды,
Ни пули
Нас к земле не пригнули.
Враг в неистовстве яром
Страшным встречен ударом...

Ты по грудам развалин
Пробиваешься к цели.
Кто ведет тебя?
Сталин!
Он в солдатской шинели.
Плещет красное знамя
Над железным отрядом,
Потому что он с нами,
Потому что он рядом.

— Ветер, ветер степной! —
Говорит Лозовая, —
Пролети надо мной,
Знамя к небу взвивая...

Пролетит он, взовет, —
Снова кличут, как друга.
Может, Тула зовет?..
Может, кличет Калуга?..
Всюду надо поспеть
После краткой разлуки,

Нынче ветру лететь
Под Великие Луки!..

Мир громадный, подзвездный
Ловит славные вести.
Приближается грозный
Час расплаты и мести.
Сквозь удачи и беды
Приближается ясный
День Конечной Победы
Нашей Армии Красной.
Служит каждая весть
Новым зовом и знаком
Всем, кто помнит про честь,
Всем, кто спаян союзом:
Храбрым сербским повстанцам,
Черногорским юнакам,
Непокорным голландцам
И свободным французам.
...Волк в смятенье великом
Попытается скрыться.
В Берхтесгадене диком
Он запрется — убийца.
Будет в страхе метаться,
От тоски холодея...
Никуда не податься:
Мы разыщем злодея.
Ни о чем не расспросим,
Приведем на расправу,
Расстреляем и бросим,
Словно падаль, в канаву!..

Неба, крытого тучей,
Разорвется завеса,
В ночь ударит могучий
Сноп лучей Днепрогэса,
И в туманной дали,
В море синем, глубоком,
Подойдут корабли
К николаевским докам...

...Если мальчик в кровать
Не захочет, захнычет, —
А пора ему спать, —
Мать не буку покличет,
Нет... Сердитая мать
Станет «конным и пешим
Немцем» сына пугать,
Как пугали нас лешим...
А когда подрастет,
Сядет мальчик за парту
И на ней развернет
Нашу старую карту,
Чтоб не полюс найти
И не знойный экватор,
А степные пути,
Где рубился Доватор.
Он запомнит года
И расскажет толково,
Как, и где, и когда
Шли войска Мерецкова.
Перечтет сорок раз
Не про смелых индейцев,
А легенду про вас —

Двадцать восемь гвардейцев,
И прославит солдат,
Тех, что бились неплохо:
До последних гранат,
До последнего вздоха.
1942 год, февраль

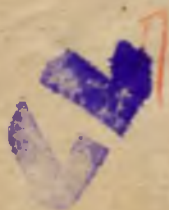
К ЧИТАТЕЛЯМ

Просим дать отзыв о содержании книги и ее оформлении. В отзыве укажите свой адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство просит организовать сбор читательских отзывов на эту книгу.

Весь материал направляйте по адресу. Москва, Новая площадь, д. 6/8, изд-во «Молодая гвардия».

Цена 1 руб. 50 коп.

23